

Наука всегда автобиографична
(Ян Бломмаэрт и Джеф Версчуерен)

Мы все – кто бы, где и с каких пор
ни жил – потеряли родину, но получили материал
(Олег Юрьев)

Введение

Наша книга посвящена изучению личных рассказов выходцев из бывшего СССР в Израиле об эмиграции и обустройстве в новом обществе. Она относится к области культурологических исследований, а ее предметом являются, прежде всего, люди, их мысли, воспоминания и чувства, а не газеты, журналы и кинофильмы (Биллиг 1997: 205), к которым мы обращаемся как к дополнительным источникам (см. главу 1). Культурологические исследования интердисциплинарны по своей природе, поэтому и данная книга органически связана с фольклористикой, антропологией, лингвистикой, социальной психологией, политическими науками и географией. Нас интересуют как общие проблемы эмиграции, так и ее израильская специфика.

Последние годы существования СССР и первое постсоветское десятилетие отмечены небывалым ростом эмиграции. Несмотря на то, что разная иммиграционная политика принимающих стран диктует новоприбывшим разную стратегию интеграции, общее советское прошлое по-прежнему влияет на индивидуальное мировосприятие людей и на поведение иммигрантских общин в целом, будь то этнические русские, украинцы, евреи, немцы или греки. В зависимости от этнической принадлежности принимающие страны разделяют бывших советских граждан¹ на эмигрантов и репатриантов, ожидая от последних быстрой и успешной интеграции на основе общего происхождения и культурных корней, что, однако, не подтверждается результатами проведенных исследований. Израильские социологи Шуваль и Лэшем, сравнивавшие интеграцию

бывших советских немцев в Германии и бывших советских евреев в Израиле, пришли к выводу о том, что, несмотря на этническую однородность, мигранты не сливаются с коренным населением принимающих стран. Причина обособленности состоит в том, что этническая самоидентификация иммигрантов осложнена культурной самоидентификацией со страной исхода (Шуваль и Лэшем 1998: 14). Более того, психологи, социологи и специалисты в области просвещения отмечают, с одной стороны, явное отличие выходцев из бывшего СССР и СНГ от других иммигрантских групп, а с другой стороны, сходство их адаптации и аккультурации во всех странах, где бы они ни селились (см. например, исследования о советских евреях в США: Чизвик 2000, Гительман 1997, Комарова 2002, Марковиц 1993а и 1995; о немцах и евреях в Германии: Бодеманн 2001, Диц 2000, Хрусталева 2001 и Стейнбах 2001; о советских врачах в Израиле, Канаде и США: Шуваль и Беренштейн 1997; о подростках-репатриантах в Финляндии: Ясинская-Лахти и Либкинд 1999; о советских репатриантах в Греции: Керамида 1999, Кауринкоски 2003 и, наконец, сравнительное изучение эмиграционного стресса и адаптивных стратегий у подростков-репатриантов из бывшего СССР в Финляндии, Израиле и Германии: Ясинская-Лахти и др. 2003). Большая волна иммиграции из бывшего СССР 1990-х годов уже прошлого века оказала существенное влияние на израильское общество и, естественно, привела к появлению обширной научной литературы, прежде всего, социологической, психологической и лингвистической. Большинство израильских ученых, и мы в том числе, считают термин «иммигранты» более адекватным для изучаемой группы, чем «репатрианты». Даже последовательно использующий термин «репатрианты» Фельдман говорит о малой роли идеологического фактора и о комплексе «квази-эмиграции», когда уезжавшие оставляли за собой квартиры и были готовы вернуться домой в случае неудачи (Фельдман 2003: 30–33). Мы используем термин «репатрианты» только в тех случаях, когда речь идет об официальном дискурсе. Встречается он также в речи информантов и в цитируемых источниках.

В отличие от своих предшественников, иммигрантов 1970-х, представители волны 1990-х могут поддерживать активные контакты с родственниками и друзьями, оставшимися в СНГ, регулярно навещать их и приглашать в гости, смотреть российское телевидение, участвовать в совместном бизнесе (или иметь собственный в СНГ), сохранять и развивать научные связи, а сохранившие гражданство, пользуются и правом голоса. Таким образом, многие мигранты одновременно включены в жизнь как страны исхода, так и принимающего общества. Существуют и постоянные контакты между бывшими советскими гражданами, осевшими в разных странах. Все это и позволяет изучать данную группу в контексте нового в науке об эмиграции явления – транснациональном миграционном потоке (Еленевская 2005, Марковиц 1995, Ременник 2002б, Фиалкова, Еленевская 2005).

Массовая эмиграция 1990-х вызвала также интерес ученых СНГ к бывшим соотечественникам. Позиция отторжения «предателей», или, по крайней мере, «чужаков», сменилась идеей объединения уехавших в «русский мир» или в русскоязычную диаспору (Ионцев и др. 2001, Лебедева 1997, Левин 2001, 2001а, Маховская и др. 2001, Савоскул 2001, Тишков 2001). Постоянно пополняемую информацию об исследованиях, посвященных российской диаспоре, включая ее израильскую часть, можно найти в Интернете, на сайте <http://www.zarub.db.irex.ru/>. И это закономерно, поскольку только за последнее десятилетие от восьми до девяти миллионов эмигрантов из бывшего СССР осели в Америке, Канаде, странах Европы и Израиле (Хрусталева 2001а: 27). Многие из них сохраняют исходную российскую психологическую и культурную ориентацию и представляют собой важный ресурс России и СНГ.

В самостоятельную группу можно выделить и ученых, изучающих иммигрантские общины изнутри. Интегрированные в научную среду принимающих стран, они представляют собой связующее звено между старожилами и новоприбывшими (см., например, Дымерская-Цигельман 2000; Зильберг 1995, 2000; Найдич 2000; Ременник 2002, 2002б; Ротенберг 2000; Фельдман 2003; Фиалкова

1999; Эпштейн и Хеймец 2000, 2000а и др.). Все названные здесь и многие другие ученые являются русскоязычными израильянами. Стоит упомянуть также интересный проект, осуществляемый в Германии: студенты-эмигранты из СНГ, изучающие психологию в немецком филиале Санкт-Петербургского университета, привлечены к изучению специфики интеграции бывших советских граждан в Германии (Хрусталева 2001).

Несмотря на общность научных интересов, западные ученые редко знакомы с русской научной литературой по эмиграции, а некоторые российские коллеги только начинают осваивать западную библиографию. Подобная изоляция – это лишь одно из многочисленных последствий холодной войны. Некоторые ученые-эмигранты, включая и авторов данной книги, пытаются преодолеть разрыв между разными научными сообществами. Участие ученых-эмигрантов в изучении собственной общины – явление относительно новое. Вместе с тем, они редко замыкаются на изучении общины как таковой, неизбежно обращаясь к специфике культуры и общественного устройства как страны исхода, так и стран, где они поселились.

Прием репатриантов является одной из основных задач государства Израиль со дня его основания. И хотя в стране уже накопился ценный опыт по работе с репатриантами со всех концов света, адаптация и интеграция новоприбывших, как индивидуальная, так и групповая, остаются в центре внимания израильских ученых и широкой публики.

Весной 2000-го года израильская пресса объявила о прибытии миллионного репатрианта из бывшего СССР. И хотя статистика Министерства абсорбции указывает более скромную цифру – 835410 человек, прибывших в 1989–1999 гг., эта волна остается самой большой за всю историю государства. Интеграция советских евреев привлекает неослабевающий интерес израильских социологов (Бен-Рафаэль и др. 1997; Горовиц и Лэшем 1998; Лэшем и Лисак 1999 и др.), психологов и педагогов (Изикович 1996; Маркович 1993, 1997; Мирская 1998; Мирская и Каушинская 1989; Резник

и др. 2001) и лингвистов (Глинерт 1995; Котик-Фридгут 2000; Ольштайн и Горенчук 2000; Спольский и Шохами 1999). Систематическое изучение фольклора выходцев из бывшего СССР впервые осуществлено авторами этой книги. Единственная более ранняя попытка изучения фольклора бывших советских евреев в Израиле была предпринята Джетером и Герасимовой, которые провели свободные интервью с иммигрантами последней волны еще в 1992 г. Цель исследования ученые видели в обнаружении мифов и легенд, приведших людей к решению об эмиграции. К их изумлению, в рассказах иммигрантов не было никаких ассоциаций ни с Танахом, ни с еврейским фольклором (Джетер и Герасимова 1998). Думается, что неудача исследования связана с ошибочной посылкой. Авторы искали исключительно произведения традиционных жанров еврейского фольклора, а именно, легенды о земле обетованной. Как показывает наш материал, мифология выходцев из СССР в Израиле находится в процессе становления и представляет собой конгломерат разных культурных традиций: славянской, советской, еврейской, мусульманской. Такой эклектизм вполне закономерен, поскольку эмигрантские культуры – это всегда культуры промежуточные, характеризующиеся подвижностью и постоянной переконпоновкой различных элементов старой и новой культурных систем. Невозможно переоценить значение мифов во всех культурах, включая современные технократические и светские. Как отметили Пирс и Канг, миф задает четыре вопроса: «Кто я? Кто мы такие? Что представляет собой мир, в котором мы живем? Какова природа ответов на эти вопросы?» Данным вопросам соответствует научная проблематика психологии, естественных наук и эпистемологии (Пирс и Канг 1987: 31). Значение мифа для изучения современных культур было определено Леви-Строссом, показавшим, что «логика мифологического мышления так же неумолима, как логика позитивная и, в сущности, мало чем от нее отличается. Разница здесь не столько в качестве логических операций, сколько в самой природе явлений, подвергаемых логическому анализу» (Леви-Стросс 1983: 206–207). Рикёр назвал миф

«антидотом страдания» (Рикёр 1967: 167–168), что особенно важно для изучения эмигрантских рассказов, неотделимых от стресса, беспокойства и острого чувства незащищенности.

Как было отмечено выше, волна эмиграции 1990-х из бывшего СССР привела к возникновению самой большой в истории Израиля иммигрантской общины, составившей шестую часть населения страны и изменившей ее облик. При большом единообразии политической, экономической и социальной систем, Советский Союз характеризовался разнообразием географических зон, культурных традиций и языков. Евреи были рассредоточены в разных республиках и жили в больших промышленных городах, как в европейской части страны, так и на Кавказе, в Средней Азии и даже на Дальнем Востоке. Они жили бок о бок с христианами и мусульманами, говорили на разных языках, хотя их родным языком был, по преимуществу, русский. Близкие контакты с разными народами СССР при отсутствии религиозного воспитания, не говоря уже о религиозном диктате, а также риторика интернационального братства, какой бы лицемерной она ни была, привели к появлению большого числа смешанных браков, повлияли на самоидентификацию евреев из разных регионов и, следовательно, способствовали использованию разных стратегий адаптации к жизни в Израиле. Эти отличия были замечены израильскими социологами и географами (см. например, Аль-Хадж и Лэшем 2000; Гонен 1998; Лэшем и Сикрон 1998; Фельдман 2003), проявились они и в свободных интервью с иммигрантами, анализируемыми в данной книге.

Личные рассказы как жанр современного фольклора

В XX веке автобиографические, или иначе, личные рассказы, стали объектом пристального внимания социологов, психологов, антропологов и фольклористов. Этому способствовали три основных фактора. Во-первых, в них увидели важный источник изучения феноменологии повседневной жизни и культуры, объективизи-

рованных в повествовательной форме (Нидермюллер 1988: 463). Во-вторых, рассказы отдельных людей о своей жизни помогают понять общественные явления общего характера, поскольку их значение определяется одновременно и личным опытом конкретного человека и идеологией социальной группы (см. Атkinson 1998:70; Берто 1981: 44; Браун 1990: 260–261). И, наконец, демократизация общественных наук позволила исследователям увидеть в человеке активного участника научного процесса, а не пассивный объект, не имеющий самостоятельного голоса или не достойного того, чтобы голос его был услышан (Миллер Р. 2000: 5; Кристианс 2000: 138; Файн и др. 2000: 120).

В фольклористике долгое время акцент ставился на изучении текста как такового, при недооценке роли рассказчика, в котором видели механического проводника традиции. Личные рассказы не изучались вообще, поскольку выпадали из традиционного определения фольклора как коллективного творчества. Первым фольклористом, заметившим существование особого жанра личных рассказов, был фон Сидов, предложивший термин *меморат*. Под меморатами он понимал короткие рассказы о разных событиях из жизни рассказчиков, основанные на реальных фактах, но преобразованные человеческой фантазией и могущие впоследствии стать частью традиции (Сидов 1977: 87). Семейные рассказы, состоящие из множества самостоятельных эпизодов, рассматривались им в качестве особого прозаического жанра устного народного творчества. Таким образом, его работа стимулировала изучение и отдельных личных рассказов, и целостных историй о жизни. Вместе с тем, еще в 70-х годах XX века ученые спорили о том, могут ли личные рассказы быть предметом фольклористики, являются ли они самостоятельным жанром, поджанром или системой жанров (Дег и Васоный 1974; Сталь 1977, 1977а; Хонко 1964). В дальнейшем споры утихли, поскольку фольклористы не могли более игнорировать один из самых популярных жанров современной народной культуры. Глубинное изучение личных рассказов было принято Сандрой Сталь, отделившей короткие рассказы об от-

дельных эпизодах из жизни от длинных биографических повествований, но подчеркнувшей их тесную взаимосвязь и отметившей совпадение рассказчика и героя, как характерную черту обоих жанров (Сталь 1989: 12–13, 20, 23). Самопрезентация представляет собой важнейшую функцию личных рассказов, а процесс рассказывания неотделим от самопонимания и самоформирования человека (Браун 1990: 8–9). И хотя рассказчик является главным героем собственных рассказов, он, как правило, окружен и другими персонажами. Человек существует и действует во взаимосвязи с *другими*, от которых не может быть механически отделен (Вильсон 2000: 8), а, следовательно, рассказы представляют собой форму коммуникации между индивидом и культурой. Иными словами, они одновременно моделируют и мир, и человека (Брокмейер и Гаррэ 2001: 54). Свободные интервью по типу беседы, характерные для полевой работы большинства фольклористов, часто содержат рассказы, кажущиеся спонтанными. Между тем, многие из них в действительности составляют часть постоянного репертуара информантов. Рассказ следует за рассказом, связывая личные истории с социальной проблематикой (Бард 1992: 68–69). Последнее наблюдение особенно важно для нашей книги, в которой фольклорные и социальные аспекты рассказов практически неразделимы.

Большинство записанных нами историй о жизни включают как рассказанные именно к этому случаю эпизоды, так и те, которые составляют часть стабильного репертуара информантов. Именно последние и составляют собственно нарративы, т.е. структурированные и законченные повествования, проанализированные Лабовым и Валецким в 1966 и Лабовым в 1972 годах. Несмотря на то, что все наши информанты знали о том, что интервью записываются на магнитофон, а аудитория была чаще всего ограничена единственным слушателем – интервьюером – многие рассказы содержали черты фольклорного действия, для которого характерна смена интонаций, имитация голосов разных действующих лиц, драматические паузы, смена времени действия, использование мимики и жестов (Вольфсон 1981). Законченная композиция этих рассказов,

гармоническое сочетание вербальных и невербальных элементов, почти полное отсутствие ложных вступлений свидетельствуют о том, что они составляют интегральную часть репертуара информантов. В отдельных случаях это предположение подтверждалось самими рассказчиками или их близкими. Более того, как будет показано далее, некоторые рассказы уже пересказываются другими рассказчиками с различными модификациями. Помимо собственно нарративов, в собранных материалах много монологических размышлений и обмена репликами между информантами и интервьюером и/или другими участниками встречи. Материалы включают в себя также произведения традиционных и современных фольклорных жанров, например, анекдоты, сатирические стишки, пословицы и поговорки, приведенные в подтверждение позиции рассказчика или как средство мобилизации общих для всех присутствующих культурных кодов. Кроме того, информанты нередко пересказывали истории, почерпнутые из средств массовой информации, что является проявлением «вторичной фольклоризации» (Штырков 1999: 27)². Тип дискурса в интервью в значительной мере зависит от темы разговора. В то время, как разговор об образе *другого*, о счастливых совпадениях, о языковых проблемах, возникающих в новой стране, становится богатым источником самостоятельных нарративов, размышления о пространстве и времени, о Западе и Востоке чаще всего не получают законченного выражения и являются обычными высказываниями (Фиалкова и Еленевская 2001а, 2001б; 2004, Еленевская и Фиалкова 2000, 2002). Многие собранные нами истории о жизни могли бы стать темой самостоятельного исследования, но данная книга посвящена группе, в которой эти рассказы циркулируют, а не отдельным биографиям, изучение которых будет предпринято в нашей дальнейшей работе.

Одним из направлений фольклористики является изучение подвижности жанровых форм в современном мире. Баузингер, показал, например, генетическую связь между сказками о животных, волшебными сказками, легендами, фильмами и современными городскими

легендами об ужасных совпадениях (Баузингер 1987). Личные рассказы иммигрантов также преемственно связаны с традиционными фольклорными жанрами, и, прежде всего, с волшебной сказкой, легендой и историческими преданиями (Эльбаз 1987: 287).

Фольклор эмигрантов как предмет исследования

Исследования по эмигрантскому фольклору можно условно разделить на работы общетеоретического и частного характера. В работах первой группы рассматривается степень стабильности эмигрантского фольклора, привезенного из страны исхода, но изменяющегося под влиянием языка и культуры страны проживания; переход от эмигрантского к этническому фольклору; трансмиссия текстов из поколения в поколение, сопровождающаяся сменой языка (Дорсон 1964; Киршенблатт-Гимблетт 1978, 1983; Смидченс 1990). Дети и внуки эмигрантов нередко знакомы с фольклором страны исхода, но часто слушают и используют его уже в переводе. Обсуждаются также отражение изменений, происходящих в психологии и самоидентификации эмигрантов в фольклоре эмигрантской группы, влияние средств массовой информации, издаваемых общиной, на ее фольклор и, наконец, методы сбора и сохранения материального и устного народного творчества. Теоретические выводы, сделанные в этих работах, применимы к эмигрантскому фольклору в целом, хотя материалом для них послужило изучение, прежде всего, американского опыта. Исследования частного характера, посвященные отдельным эмигрантским группам, также затрагивают теоретические проблемы, но решают их на богатом иллюстративном материале в специфическом культурном контексте.

В Израиле отношение к фольклору, сформировавшемуся в диаспоре, прошло несколько этапов. В первые годы после образования государства стратегия «плавильного котла» сочеталась с пренебрежением к фольклору, привезенному из стран исхода. Про-

фессор Дов Ной, основатель Израильского архива фольклорного рассказа (ИАФР), был вынужден преодолевать сопротивление истеблишмента, возражавшего против сохранения «галутного» (диаспорального) фольклора новых репатриантов. С укреплением государства отношение к культурному наследию, привезенному из стран рассеяния, стало более гибким, что проявляется в разных сферах, в том числе, и в растущем интересе к феномену поликультурного общества, обсуждаемому на многочисленных конференциях (например, на конференциях по проблемам социолингвистики 1998, 2002; всеизраильских конференциях по фольклору: «Культурное многообразие и взаимопроникновение культур» 1999 и «Образ *другого* в фольклоре и еврейская самоидентификация» 2000 и др.). Израильские фольклористы активно изучают фольклор евреев, прибывших из разных стран (Йемена, Туниса, Марокко, Польши, Эфиопии и т.д.), чем вносят свой вклад в развитие терпимости к многообразию культур в государстве (Бар-Ицхак 1992, 1998; Ной 1984, 1984а; Розен 1999; Саламон 1997/1998; Шели-Ньюман 1995). В Израильском архиве фольклорного рассказа им. Д. Ноя собрано более 20000 рассказов мигрантов из разных стран на иврите, идише, арабском языках. За последнее десятилетие появились первые 500 рассказов на русском, записанные у выходцев из бывшего СССР.

Устные рассказы об эмиграции звучат как на официальных мероприятиях (Гольден 2002), так и в домашней обстановке. По нашим наблюдениям, без них не обходятся дни рождения, свадьбы, юбилеи и пр. Более того, они составляют самостоятельный жанр в эмигрантских радиопрограммах и в русскоязычных газетах, ими обмениваются в Интернет форумах. «Старожилы» делятся опытом с новоприбывшими, подбадривая их или предупреждая о подводных камнях на пути интеграции в новое общество. Рассказы об эмиграции составляют важную часть биографий мигрантов и по долгу сохраняют эмоциональную значимость. Задача данного исследования состоит в том, чтобы понять, как культурный багаж,

привезенный из страны исхода, и фольклор в том числе, помогают людям адаптироваться к новой среде.

Примечания:

¹ Ученые, изучающие эмиграцию и диаспору, применяют к выходцам из СССР разные термины, например, «бывшие советские», «русские», «русскоговорящие эмигранты», «русскоговорящие израильтяне», «советские евреи», «русские евреи, русские немцы» и др. Более того, Лайтин даже ввел термин «русскоговорящая национальность» и применил его к русскоговорящему меньшинству на бывшем советском пространстве (Лайтин 1999: 322–323). Важно, что Лайтин применяет термин не только к этническим русским, но и к людям других национальностей. Таким образом, разные термины аппелируют или к стране исхода, или к родному языку мигрантов, или к этничности, а часто к различной комбинации того и другого. Мы используем термины «бывшие советские граждане» и «русскоговорящие евреи» как синонимы.

² Штырков применил этот термин для обозначения понятий, которые из научной фольклористической и этнографической литературы вернулись в устное народное творчество современных крестьян. Мы расширяем значение термина и понимаем под ним также проникновение научных и околонуточных понятий из средств массовой информации в народную городскую культуру.